

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. И ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ВОСПОМИНАНИЯХ Л.В. АРНОЛЬДОВА

Статья выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета и при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.В25.31.0009).

Анализируются мемуары бывшего студента Томского университета, публициста и исследователя Китая Л.В. Арнольдова «Жизнь и революция» как источник по истории университетского сообщества в период революционных событий 1917 г. Прослеживаются жизненный путь автора, его политические воззрения и их влияние на оценки и описания представленного в воспоминаниях периода. С опорой на материалы архивных документов, справочной литературы, периодической печати, дневников студента П.А. Леонова рассматривается повседневная жизнь профессоров и студентов Томского университета времен революции, а также их дальнейшие судьбы сквозь призму отечественной истории первой половины XX в.

Ключевые слова: Томск; университет; студенты; профессора; Русская революция 1917 г.; Л.В. Арнольдов; мемуары.

Годовщина Революции 1917 г. актуализирует для исследователей комплекс проблем, связанных с этим периодом отечественной истории: трагическим и переломным в судьбе не только России, но и всего мира. Изменения, последовавшие вслед за революционными событиями того времени, коснулись самых различных сфер жизни российского общества в целом и наложили отпечаток на развитие его региональных микросоциумов.

Влияние революции на историю университетского сообщества г. Томска уже рассматривалось в одной из статей авторов настоящей работы [1]. В продолжение и развитие этой темы вниманию предлагается анализ страниц истории университета, отраженных в воспоминаниях преподавателя, публициста и исследователя Китая Л.В. Арнольдова. В 1916–1918 гг. он являлся студентом Томского университета (до февраля 1917 г. – Императорского Томского университета) – сначала медицинского, а затем юридического факультета.

Лев Валентинович Арнольдов родился 10 (22) июня 1894 г. в селе Черевковском Сольвычегодского уезда Вологодской губернии в семье лесничего Валентина Петровича Арнольдова. В 1897 г. отец был переведен на службу в Тобольскую губернию, где и прошло раннее детство Льва. Там Арнольдов-старший, имевший тогда чин коллежского асессора, получил должность лесного ревизора [2. Л. 6]. Вплоть до 1904 г. они жили в г. Таре, «отстоявшей от губернского центра в семи-стах верстах и от Омска, ближайшего пункта железной дороги, в 250», – жили, как пишет Л. Арнольдов, «совсем не варварской, а, наоборот, тихой, мирной и приятной жизнью» [3. С. 24].

Однако размеренность и спокойствие продолжались недолго. В дальнейшем отец неоднократно менял место службы, а потому детство героя настоящей статьи прошло в непрерывных переездах, что спустя годы позволило ему назвать себя «человеком с опытом все-ленских странствий» [Там же. С. 18]. «Я закрываю глаза, – вспоминал он позднее, – и перед моим мысленным взором, одна за другой, проносятся картины той Сибири, в которой я провел детство и юность и по которой путешествовал на протяжении пятнадцати лет, с 1900 года по начало европейской войны, всеми способами и по многим трактам» [Там же. С. 16].

В 1904 г. семья, родители с двумя детьми (у Л.В. Арнольдова был брат Евгений, который в будущем также обучался в Томском университете), переехала в Омск. Для юного Льва город запомнился «переполненным, ключом кипящим Люблинским проспектом», кофейным ароматом, величественными пристанями со стоящими у причала «красавцами-пароходами». Их образы мгновенно переносили детское сознание «из провинциального, привычного затишья в мир движения, аккуратности, техники и прогресса». Запечатлелись в его памяти и офицеры, юнкера и кадеты, воспитанники Казачьего подготовительного пансиона «с красными погонами и золотыми пуговицами на черных мундирах», генералы и солдаты, музыка военных оркестров. На отдаленных подступах империи начиналась Русско-японская война, «отзвуки» которой доносились до того сибирского города.

Мать, Любовь Владимировна, с сыновьями Львом и Евгением (отец был занят по службе) почти каждое лето путешествовала на пароходах-гостиницах по сибирским рекам. Тогда же Лев ознакомился с жизнью сибирских деревень и отдаленных сел. Он вспоминал: «За зеркальными окнами и бархатными занавесями рубки первого класса и при свете желтых, тогда калильно-угольных электрических ламп, жизнь представлялась иной, чем в деревенских избах». При этом Лев подчеркивал: «Я никогда не испытывал какого-либо особенного отчуждения от мужика, не чувствовал на себе его злобных взглядов, не боялся крестьян и не сторонился» [3. С. 18].

В судьбах многих русских интеллигентов тех лет подчас не последнюю роль занимало знакомство с «изнанкой» народной повседневности, с миром русской деревни. Не даром в своих мемуарах Л.В. Арнольдов, описывая собственные переживания по этому поводу, ссылается на творчество Бунина с его прозой, запечатлевшей пасторальные сцены. Переключкой с ней звучат воспоминания Арнольдова о «веселых, довольных парнях, девках с румяными щеками, готовых всегда расхохотаться, степенных мужиках», о деревне, которая «не только хмурилась, в особенности серыми, осенними, дождливыми днями, но и улы-

балась, веселила, тянула к себе и умиляла». Однако эта идиллическая картина сельской жизни контрастно оттенялась «образами и примерами злобы, тьмы, грязи, болезней» [3. С. 18].

После Омска семья некоторое время жила в Тюмени. Арнольдов с теплотой вспоминал этот город, его Царскую улицу, богатые дома Колмогоровых, обширный каток и театр, где он впервые увидел спектакли по пьесам «Ревизор» и «Горе от ума». Запомнились ему и сад с акациями в цвету возле здания Коммерческого собрания, открытая сцена при нем «для дивертисментных выступлений некоего купца с лицом столь откровенно монгольским, что сразу после Русско-японской войны его называли Ояма, страстно-го картежника и вообще игрока».

Тюмень, известная тогда как купеческий город, отпугивала обывателя этой своей особенностью. Купечество по традиции, восходящей к драматургии Островского, воспринималось сквозь призму «ужасов купеческих застенков и домостроевского быта». Однако Л.В. Арнольдов отмечал по этому поводу: «Когда я там проводил свое детство, эти рассказы казались уже порождением истерической фантазии» [Там же. С. 19]. Заслуживают внимания наблюдения и размышления Арнольдова о Тобольске, с которым была связана его жизнь в 1908–1910 гг., а также об Иркутске.

Рассуждения о провинциальной жизни на примерах вышеперечисленных сибирских городов, описания и зарисовки наиболее примечательных мест: площадей, улиц, заведений; характеристики городских обывателей – все эти аспекты жизни сибирского общества тех лет сохранились в памяти Л.В. Арнольдова. На те же годы пришлось его начальное и среднее образование, которое в разное время он получал в Омской гимназии, Тюменском Александровском реальном училище, Тобольской и Иркутской гимназиях.

Не окончив гимназию и прервав обучение, Лев в 1912 и 1913 гг. «с большой пользой для себя» проводит время за границей. В это время он жил в Берлине, Париже и Тулузе. В Европе Арнольдов столкнулся с различными кругами русской эмиграции, их политическими настроениями (позднее он вспоминал о своем конфликте со студентом-эсером), посещал семинары и лекции в различных университетах. Тогда же оформляются его политические взгляды, для которых характерно острое неприятие социалистических, революционных настроений, ориентация на почвенническую позицию, восходящую к славянофильству, противопоставленную русскому либерализму. Как известно, данная поляризация была весьма характерна для российской общественно-политической мысли того периода. Именно под знаком этих воззрений формировались его взгляды и восприятие трех русских революций, современником которых он стал; в целом социальных изменений России в первой четверти XX в. Это же повлияло и на его жизненный путь.

По возвращении из Европы Л.В. Арнольдов завершил свое среднее образование. В мае 1916 г. по окончании Иркутской гимназии он получил аттестат зрелости. Судя по оценкам, уже тогда он проявил склонность к гуманитарным специальностям (имел

отличные оценки по Закону Божьему, русскому языку с церковно-славянским и словесности, законоведению, в то время как по математике, физике, математической географии получил «удовлетворительно» [2. Л. 4]), что в дальнейшем определило основной род его деятельности.

Тем не менее в том же году Арнольдов подает прошение на имя ректора Императорского Томского университета профессора М.Ф. Попова о зачислении его в число студентов медицинского факультета [Там же. Л. 2]. Впрочем, склонности уже спустя год взяли свое: в ноябре 1917 г. под влиянием профессора-юриста университета, в дальнейшем – своего «друга и учителя», Н.Я. Новомбергского [3. С. 59] он перевелся на юридический факультет того же вуза [2. Л. 3].

Новоявленный студент-юрист Л. Арнольдов сразу же был избран товарищем председателя президиума (им был тот же Новомбергский) студенческого юридического общества при Томском университете [4. 14 нояб.]. В его состав также входили студенты Н.И. Ган (секретарь общества), В.Г. Попов (казначей), И.П. Кожиков, Н.В. Ковалевский, А.Ф. Сариянаки (члены правления) [5. 1917. 13 нояб.].

В дальнейшем Арнольдов принимал активное участие в общественной жизни университета, в том числе в так называемых литературных судах. Например, 7 декабря 1917 г. он в качестве «прокурора» выступал на литературном процессе «Моцарт и Сальери А.С. Пушкина» [Там же. 6 дек.], а в марте 1918 г. принял участие в вечере, посвященном памяти О. Уайльда, который был устроен в зале музыкального училища. Л.В. Арнольдов тогда выступил с докладом «Эскиз об Уайльде» и «оставил большое впечатление у аудитории, состоявшей преимущественно из учащейся молодежи» [Там же. 1918. 9 марта (24 февр.)]. Он также входил в состав студенческого товарищеского суда [Там же. 7 марта (22 февр.)].

В марте 1918 г., опасаясь репрессий со стороны местных органов советской власти, Л.В. Арнольдов покидает Томск и на время возвращается домой к матери в Иркутск (отец умер в 1914 г.). Однако задерживается он там ненадолго – отправляется на Дальний Восток. Вскоре по приглашению того же Н.Я. Новомбергского, который тогда занимал должность товарища министра внутренних дел в правительстве Колчака, Арнольдов едет в Омск.

Там он активно сотрудничал с властью. С октября 1918 г. Арнольдов состоял начальником департамента по делам печати, затем – директором бюро информации Министерства иностранных дел правительства Колчака. Летом 1919 г. с намерением уехать в США для проведения пропагандистской деятельности он вместе с матерью отправляется по железной дороге на восток. Однако, судя по всему, в силу определенных обстоятельств его планы изменились, и Арнольдов остался в Китае. Нетипично для своей биографии, но с этой страной он оказался связан почти на два десятилетия. Однако и в конце жизни Л.В. Арнольдов остался верен своей «жизненной одиссее»: незадолго до начала Второй мировой войны он уехал в Бразилию, где и прервалась его жизнь. Ориентировочно это произошло в 1946 г.

В Китае Л.В. Арнольдов занялся исследовательской краеведческой деятельностью. Во время проживания в Харбине (провел там четыре с половиной года) публиковал статьи в местных газетах. После переезда в Шанхай одно время был редактором ежедневной газеты «Шанхайская заря» [6]. Позднее из-под его пера вышли две монографии, посвященные истории и современности Китая. Это книги «Китай как он есть: быт и политика» [7] и «Из страны Белого Солнца: этюды о Китае» [8].

Тогда же Арнольдов обращается к мемуарной литературе, решив запечатлеть страницы своей разнообразной биографии в едином произведении. В его кратком предисловии он отмечал: «В своеобразной форме воспоминаний, преломляя факты личной жизни через призму крупнейших событий эпохи, мне хотелось показать в более или менее художественной форме, как герой повествования, в данном случае – автор, один из миллионов русских, воспринимал события исторического масштаба, участвовал в них и их расценивал» [3].

Следует отметить ряд особенностей его мемуаров, опубликованных в 1935 г. в эмигрантском издательстве в Шанхае под заголовком «Жизнь и революция». Подчеркнем то, что работа не лишена характерных для данного вида исторических источников погрешностей, связанных с датировкой, именами собственными, последовательностью излагаемых событий и т.д. Так, он пишет о том, что в 1916 г. в Томском университете открываются два новых факультета: историко-филологический и физико-математический [Там же. С. 58–59], хотя на самом деле это произошло в 1917 г.

От чистых воспоминаний его книгу отличает то, что она снабжена многочисленными рассуждениями о времени и стране, подкрепленными ссылками на других авторов. Особое место среди них занимает русский мыслитель, писатель и публицист В.В. Розанов, мысли и рассуждения которого из произведений «Опавшие листья», «Уединенное», «Литературные очерки» рефреном повторяются в мемуарах.

Для Л.В. Арнольдова написание этих воспоминаний стало способом «коллекционирования в памяти и на бумаге» фактов жизни, образов истории, бывших впечатлений, наиболее ярких моментов существования, «которые живут только в нашем воображении до тех пор, пока мы не поведали их бумаге, для сохранения в памяти других людей» [Там же. С. 5]. Сам Арнольдов, в том числе и по вышеуказанным причинам, не хотел определять эту книгу как мемуары, хотя и ориентировался на памятники данного жанра. Его образцы, оставленные Марко Поло и Монтенем, Макиавелли и Гоббсом, Сервантесом и Данте, Яном Гусом и Джордано Бруно, бесчисленными деятелями XIX в., представлялись ему «одним из культурных двигателей человечества». И вместе с тем создание персонафицированного свидетельства времени в сознании Арнольдова диктовалось миссией «проигравшего» в Гражданской войне и в силу этого поражения оказавшегося оторванным от Родины, пожелавшего сохранить «связь прошлого с настоящим», отразить «бурную эпоху, через которую прошла Россия в первой четверти двадцатого века» [Там же. С. 9, 11].

Отдельные отрывки и главы из книги Арнольдов, конечно же, посвятил периоду своего обучения в Томском университете. Он выпал на революционный 1917 г., что в конечном итоге определяет ценность воспоминаний с точки зрения реконструкции истории университета периода, во многом ставшего переломным в его развитии.

Имея за спиной опыт жизни в европейских странах, Л.В. Арнольдов, приехав из Иркутска в Томск, воспринял представшие перед его взором здания первого университета в Сибири как «весьма скромные». «От нашего университета, – подчеркивал он, – у меня сохраняется отчетливое воспоминание о длиннейшем, действительно необычайно длинном, узком, довольно низком, мрачноватом коридоре и об отдельном, гораздо более новой стройки, здании библиотеки, где все было так культурно, так не по-сибирски строго и чинно, так далеко от типично студенческого, провинциального быта с его обязательными заседаниями землячеств по убогим квартирам, с вечеринками, на которых доминировала балалайка, с кафе (через “е”) Фартоцкого, где за дешевку ели-глotalи с особым причмоком обжигающие пельмени и пили водку». И далее: «При библиотеке был большой и новый зал, в котором мы устраивали диспуты, в котором гремели потом, в революционные месяцы, пылкие речи, и где далее заседала в 1918 году Сибирская областная дума... В библиотеке, с ее темно-зелеными металлическими полками, с карточной системой, с ее тишиной и солнечностью, я словно преображался, я отдыхал, я был почтительно настроен и благоговел» [3. С. 59–60].

Куда более благоприятное впечатление на него произвели расположенные выше, на горке, здания Томского технологического института с их «огромными, широкими» коридорами. Особенно поразили его окна «размером, как широкие ворота», чертежные аудитории, электрические лампы с абажурами, «что спущены с потолка, прямо над склоненной головой студента».

Однако университет создают не строители величественных зданий в стиле эклектики (именно в нем выдержаны основные строения томских вузов того периода), а профессора и преподаватели. К данной мысли, принадлежащей Розанову, Арнольдов был равнодушен, что определяло его особое внимание к профессорам Томского университета, зарисовки образов которых он сохранил в своих воспоминаниях. Так, особое восхищение у него вызвали профессора историко-филологического факультета, которые приехали в Томск из Петрограда. Лекции, которые они читали в «низких, полутемных» аудиториях юридического и медицинского факультетов (в главном корпусе тогда завершался ремонт) «с редким подъемом», собирали большое количество слушателей, в том числе с других факультетов и вузов. Так, Арнольдов, который посещал их «с большим восхищением» («Это, подсознательно, была именно моя стихия», – подчеркивал он), вспоминал: «Был даже какой-то среди них профессор Технологического института, который был одет в виц-мундир с петличками действительного статского советника, у которого голова была совсем седая и который с трогательным старанием записывал философские импровизации молодого, но уже нацело лы-

сого, напряженного и вдохновенного, внешне маленького, как воробышек, Сергея Иосифовича Гессена» [3. С. 61–62].

Вместе с тем Арнольдов, рассуждая о профессорах вуза, подчеркнул: «Все-таки, “из песни слов не выкинешь”, юридический факультет в Томске дал России пресловутого М.А. Рейснера, и, кроме Рейснера, на нем было много либеральничавших профессоров» [Там же. С. 62]. Напомним, что М.А. Рейснер с 1899 по 1903 г. занимал должность экстраординарного профессора по кафедре государственного права Императорского Томского университета. В марте 1901 г. открыто поддержал студенческую забастовку. Его общественная деятельность неоднократно приводила к конфликтам с попечителем Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьевым, а также ректором – профессором А.И. Судаковым. В апреле 1903 г. он был уволен со службы и лишен права преподавания в России. Одно время пребывал в эмиграции, принимал участие в революции 1905–1907 гг., позднее вел научно-социалистическую пропаганду в рабочих аудиториях. В годы Первой мировой войны ездил с лекциями по Сибири, в ходе которых проводил антивоенную агитацию. В советский период Рейснер участвовал в составлении первой советской конституции, занимал ряд постов в органах и учреждениях советской власти [9. С. 204–207].

Однако все это произошло позднее, когда Февральская революция (хотя сам Арнольдов характеризовал февральские события в Петрограде как «переворот (и, притом, больше – дворцовый)») была уже позади.

Интерес представляют воспоминания Арнольдова, касающиеся политических настроений в среде университетского сообщества и «подпольной работы» накануне революционных событий. Обратимся к ним, чтобы в очередной раз пролить свет на вопрос о предпосылках Февральской революции в региональном срезе. Так, значительная часть политической активности студенчества, по его словам, концентрировалась «на периферии в землячествах», которых в том же университете насчитывалось свыше 30. Отмечается, что они были связаны с различными рабочими профсоюзами, комитетами партий, а также столичными революционными центрами.

Автор упоминает случай, как однажды в аудитории, где только закончилась лекция (читал ее профессор-химик П.П. Орлов), сразу по уходу лектора, невзирая на всевозможные риски и неприятности («вплоть до полиции»), ворвался один из представителей так называемых подпольщиков и предложил аудитории по случаю годовщины смерти Л.Н. Толстого устроить забастовку. «Хорошенькое празднество! И зачем, почему, товарищ, в день годовщины смерти надо бастовать?», – раздался в аудитории голос студента Арнольдова, однако не вызвал одобрения присутствовавших. Арнольдов подчеркивал, что решение о забастовке исходило от старостата [3. С. 63–64].

Упоминается также и случай на лекции профессора В.Н. Саввина, который однажды сразу после прибытия с фронта читал в студенческом Пироговском обществе лекцию на сугубо медицинскую тему. «По-

сле доклада, – пишет Л.В. Арнольдов, – когда начинают для медиков прения, слово просит технолог Закария (пламенный оратор, чахоточный, из редкой разновидности большевиков-идеалистов) и предлагает поставить вопрос шире: “Отчего все эти ранения и ужас и кто начал империалистическую бойню?”».

Однако попытки поднять вопрос об «истинных» причинах полыхавшей войны исходили не только от студентов-большевиков, но и от вполне уважаемых профессоров Томского университета. Лекцию, посвященную причинам Великой (впрочем, Арнольдов подчеркивает, что в те времена ее называли «европейской») войны, прочитал однажды профессор-экономист, декан юридического факультета П.И. Лященко. В ней он высказал достаточно радикальные суждения о предмете: о войне как «результате не то капиталистического, не то даже колониального соперничества держав». Патриотически настроенный студент Арнольдов следующим образом прокомментировал это: «В войнах есть не только свой пафос, но и своя мистика, элемент высокого идеализма, который никак не уложишь в прокрустово ложе исторического материализма». И далее, анализируя подобные случаи: «Все это делалось, так сказать, легально в стенах Императорского университета, в годы войны, когда стояла на карте самая судьба России как национального целого, как великой империи» [3. С. 65–66].

Более всего Л.В. Арнольдова поразила лекция товарища председателя Государственной думы, до избрания – профессора Томского технологического института Н.В. Некрасова, который в качестве «избранника родного города» [4. 14 марта] приезжал в Томск в сентябре 1916 г. Для «провинциального города» тогда это было «большим событием» [3. С. 66]. Темой для своей открытой лекции он избрал «Историю прогрессивного блока». «И вот то, что я, студент, услышал... – вспоминает Арнольдов о том выступлении. – Человек с кафедры бросал в зал зажженную паклю. Человек открыто, а по условиям военного времени и преступно революционизировал толпу... Тут, в грозе и буре великой, непосильной для нас войны, своими же руками рыть могилу России – было от чего ужаснуться, как ужаснулся я на докладе проф. Н.В. Некрасова» [Там же. С. 67–68].

Обращаясь к воспоминаниям Л.В. Арнольдова о событиях февраля 1917 г., уместным видится сравнить их с дневниковыми записями студента горного отделения технологического института П.А. Леонова. Последний был приверженцем идеологии сибирского областничества, крайне негативно смотрел на политические события в России, сопутствовавшие Первой мировой войне («распутинщину», «министерскую чехарду», репутацию царской семьи и т.д.), в своих дневниках сохранил депрессивные описания социально-экономической жизни Томска и Сибири в целом. Его отношении к войне (и это вытекало из политических взглядов студента) в неформальном стиле того времени можно охарактеризовать понятием «пораженчество». Он отмечал: «Война все более и более действует своей обратной стороной» [10. Л. 19]. Притом из уст человека, для которого Сибирь стала своеобразной религией, фраза «нынешняя война к Сибири

непосредственно не относится» имеет особый смысл и звучание. Свои чаяния и надежды, таким образом, студент Леонов связывал со сменой государственного строя. 6 января 1917 г. он писал: «Уволен [Д.С.] Шуваев, отсрочена Дума – все это наряду с целым рядом других событий вызывает большую тоску и все меньше и меньше видишь впереди светлого. Когда же, наконец, все это прорвет, перемелется?» [10. Л. 9].

Как вытекает из ранее написанного, взгляды Л.В. Арнольдова имели принципиально иные очертания. В годы Гражданской войны он приложил немало усилий для борьбы «с красными» (именно этому периоду посвящена большая часть его воспоминаний). Однако что объединяет этих двух студентов, которые, вероятно, даже не были знакомы, так это неприязнь к, грубо говоря, текущей политической ситуации. Арнольдов вспоминал, какие чувства он испытал, получив телеграмму-летучку из Петрограда. «Молния прорезала сознание (по старинной метафоре), – писал он, – что распутиновщине [так в тексте] и Протопопову положен конец; я был в восторге, я захлебнулся от радости». На этом, впрочем, сходства заканчиваются. Арнольдов называл себя «оборонцем» (понятие, противоположное «пораженчеству»), и, резюмируя свою реакцию на известия из Петрограда, он отметил: «Ничто для меня в эту минуту не стояло больше между Россией и победой!» [3. С. 72]. Куда меньшее воодушевление вызвала у него новость об отречении императора. Он подчеркивал в связи с этим: «Государь, этот стержень, который вынимают из государства, из армии в такой исторический, в такой ответственный момент на решающем этапе войны, победив в которой Россия должна была буйно зацвести и обновиться!» [Там же]. Стоит ли оговаривать его реакцию на отказ от престола Великого князя Михаила Александровича.

Политические, духовные воззрения этих двух людей наложили отпечаток на их зарисовки событий в Томске, вызванных известием о революции. Л.В. Арнольдов вспоминал, что в конце февраля – начале марта «вдруг поредели сведения из Петербурга». Жителей города не могло не заинтриговать такое молчание, тем более что городские обыватели Томска ждали каких-то изменений задолго до этого. «Все-таки “наперед”, – вспоминал Арнольдов, – уже строились, словно в подсознании, какие-то новые, пока совсем не ясные, предположения насчет того, что если “что-нибудь” случится, то как-то повернется судьба» [Там же. С. 70].

Изменений ждали и все-таки не верили в то, что революция будет поддержана в Томске. Арнольдов отмечал по этому поводу: «В Сибири даже в двадцатых числах февраля 1917 года все казалось в административных всероссийских скрепах так прочно, что мысль сразу же осаживалась, – беспорядки могут быть, но они могут быть подавлены» [Там же]. Вторит ему и дневниковая запись П.А. Леонова, сделанная 2 марта по поводу уже свершившейся революции: «Прямо не верится». В то же время он добавляет: «Совершилось, чего ждали. Государственная Дума сместила старое правительство и учредило Временное из своих членов. В Петербурге произошел переворот. Войска на стороне Думы. Как приятно, радостно это.

Наконец-то проснулись! Наконец-то брошены слова. Мы вздохнем посвободнее» [10. Л. 78 об.].

Как и студент Леонов («Утром в институте я узнал, что есть сведения о беспорядках и перевороте в Петербурге» [Там же. Л. 79 об.]), Л.В. Арнольдов впервые, еще до официальных сообщений, услышал о случившемся случайно от студента-медика К. Зерова. «Он передал мне слух, – вспоминал Арнольдов, – что в Петрограде беспорядки. Но все было так тихо, так мирно, так буднично и провинциально кругом нас, что весть эта от Зерова не материализовалась ни во что конкретное в моем сознании» [3. С. 70]. В том же духе воспринял эти слухи и Леонов: «Этому я хотя и поверил, но сомневался. Мы за время войны стали очень скептическими людьми. Покажи – поверю, говорил мне разум» [10. Л. 79 об.–80].

Однако в тот же день, 1 марта (хотя Арнольдов по ошибке указывает этот день как «27 или 28 февраля»), оба студента поняли, что «слух об аресте министров был известен многим», когда пришли в центр города («треугольник»: Леонов пишет об улицах Почтамтской и Набережной р. Ушайки, Арнольдов – о Миллионной). И тот и другой вместе с толпой горожан явились в тот день к редакции газеты «Сибирская жизнь», которая находилась недалеко от магазина «Макушина и Посохина». Арнольдов описал этот эпизод следующим образом: «Толпа стала как-то необычно густеть, и я запомнил, что в ней было больше, чем всегда, солдат, людей “рабочего” вида, шустрой молодежи, что всегда вертится в России в вестибюлях кинематографов, гимназисты и, конечно, студенчество, барышни. Было какое-то еще неясное возбуждение. Проползли, видимо, и в их головах первые вести о том, что “что-то” случилось; решительно подалось, зловеще затрещало» [3. С. 71]. Таким образом, реакция Арнольдова на первые слухи была куда более сдержанной в сравнении с тем же Леоновым, которому в тот день «чувствовалось, что словно оковы спали» [10. Л. 81].

Как уже упоминалось, спустя день слухи подтвердились: 2 марта все местные газеты вышли с новостями о революции. Несмотря на всеобщие ликования, студент Л.В. Арнольдов не мог избавиться от тревожных ощущений. Особенно угнетала его первая после «переворота» речь Милокова, «где он бросил слова о “старом деспоте”» (Он отмечал в воспоминаниях: «Мне импонировал его европеизм, но эти ужасные слова, брошенные в гущу черни, ради ее потехи!»), наконец, горькие предчувствия в связи с отречением царя от престола. Арнольдов писал: «Если не государь, то Наследник. Если не Наследник, то в.к. Михаил Александрович. Потом (ведь события мелькали одно за другим) была еще одна зацепка перед черной ямой – в.к. Николай Николаевич. Если бы он объявил свою власть!!!» [3. С. 72–73].

Данный краткий сравнительно-исторический анализ в очередной раз демонстрирует уровень поляризации российского общества того периода. В массе своей будучи объединенным на почве критики внутривнутриполитического состояния России, неприязни к правительству, оно раскалывалось в вопросе дальнейшего развития страны, и если одни смотрели на

произошедшее как на «освобождение от оков» и «пробуждение ото сна», то другие, такие как Л.В. Арнольдов, не могли избавиться от мрачных предчувствий. Впрочем, стоит сделать ссылку на то, что все основные оценки и рассуждения представлены у него постфактум.

День 3 марта, по воспоминаниям Арнольдова, выдался пасмурным, «серым». В это время он со своими сокурсниками внимательно наблюдал за реакцией профессуры на произошедшее. Тогда в большой аудитории нового анатомического корпуса (в жаргонном стиле его называли «анатомкой») состоялась лекция профессора философии права Томского университета И.В. Михайловского на «сенсационную тему» «О государственном строе».

В переполненной, «битком набитой» аудитории, «куда пришли все, кто мог, кто понимал, кто интересовался тем, что происходит вокруг нас, даже те студенты с красными повязками на рукавах, которые сразу, в первый же день вестей попали в милицию и уже охраняли арестованного в своем “дворце” губернатора», – в такой аудитории появился «немолодой и некрасивый, больной сердцем, с каким-то странным акцентом» профессор И.В. Михайловский. Одет он был в не новый, обычный строгий сюртук и «как всегда в свежем крахмальном воротничке», при ярком галстуке, голубом, «а не каком-нибудь бордовом, как у некоторых гг. профессоров» [3. С. 84–85]. Спокойный и сдержанный, «ничем не выдававший своего внутреннего большого волнения» Михайловский, который понимал, что он «едва ли не самый одиночный, и, вероятно, чувствовал, что от “русской революции” он уже, так или иначе, обязательно пострадает», решил говорить о непопулярных в те дни предметах: о преимуществах конституционной монархии, которую профессор назвал «идеальным строем и в науке, и в его личном мнении». Эффект усилился после того, как вслед за этим лектор «резко отозвался о республиканских строях, всех вообще, всегда гораздо более разорительных, любостыжательных и несбалансированных, неустойчивых». «Мы о конституции, – вспоминал Арнольдов, – прежде от Михайловского так ярко не слышали, но ведь 80 процентов студентов ко 2-му марта 1917 года были в Томске и во всей России республиканцами, и его мужественная, научная, строгая, но к русской истории неприменимая – увы! – лекция была воспринята корректно, но холодно» [Там же. С. 85–86].

Впереди профессора И.В. Михайловского, действительно, ждала непростая судьба. В октябре 1918 г. указом Временного Сибирского правительства он был назначен членом Высшего Сибирского суда по уголовному департаменту. В то же время продолжал занимать должность профессора Томского университета. Вскоре после восстановления советской власти в Томске, в марте 1920 г. Михайловский был арестован и осужден на 5 лет концлагерей. Как ясно из написанного выше, здоровье профессора было изрядно подорвано, благодаря чему уже спустя месяц по ходатайству ректора университета профессора А.П. Поспелова его освободили. Он умер в Томске в 1921 г. [9. С. 167].

Как известно, Ученый совет Томского университета приветствовал революцию. В кругах университетского студенчества это не могло не вызвать удивления, ведь, например, ректор И.Н. Грамматикати был известен среди них своими правыми политическими взглядами (Арнольдов называет его «одним из правейших»). В студенческой среде в связи с этим даже распространилось четверостишие: «Перевернулся весь свет, / Что за таинственный танец? / Грамматикати – кадет. / Прес-пуб-ликанец!» [3. С. 84].

Тем временем революционные настроения в университетском сообществе нарастали. «Опустели лекции, наполнились митинги». Город увесили революционными флагами и знаменами, всюду слышались речи, лозунги и резолюции. Томские улицы патрулировали милицейские отряды, состоявшие в основном из студенчества, собирались расквартированные в городе солдаты. Активизировалась и студенческая жизнь: регулярно проходили сходки, «без разрешения из Петербурга или согласия “гражданина” ректора» избирались старостаты вузов города, а позднее – совет объединенных старостатов, куда от своего курса попадает и Лев Арнольдов. Позднее он сам удивлялся, почему выбрали именно его, предполагая, что свою роль здесь сыграло то, что он «всегда появлялся в форменной, красиво сшитой тужурке, при крахмальном воротничке и слыл (без оснований) белоподкладочником (так называли выходцев из богатых семей, высоких социальных слоев. – С.Ф., А.О.)» Там же. С. 90]. Однако в водовороте революционных событий его не покидает депрессивный взгляд на происходящее. «Я понял, – вспоминал он, – что все провалилось. «Я понял, – вспоминал он, – что власть переходит к улице, что образованные классы силы не имеют, что мы несемся куда-то вскачь, в черную пропасть – и где спасение, от кого оно?» [Там же. С. 86].

Вместе с тем он становится одним из центральных участников одного из по-революционному ярких событий университетской жизни. «В университете начинает бурлить движение за отмену “минимумов”», – писал Л.В. Арнольдов.

Как уже отмечалось в более ранней статье, одной из наиболее обсуждаемых тем на студенческих сходках в марте–апреле 1917 г. была возможная отмена весенних экзаменов (минимум). Мотивировалась необходимость этой меры участием студентов в общественных (тогда активно шла подготовка к выборам) и сельскохозяйственных работах. В тот период «сомнительная честь представлять “интересы революционного студенчества” в совете профессоров» выпала Л.В. Арнольдову. Здесь мы встречаемся с наглядным противоречием между политическими взглядами последнего и его деятельностью в органах студенческого представительства. Вот как он сам это объясняет: «Мы, старостат, плыли по течению, уносимые бурлящей массой не потому, что “цеплялись за власть”, а потому, что искренне думали, что если старостат нашего состава студенты свергнут, то на смену придет еще более анархический старостат (чувство, которое было, должно быть, у некоторых членов Временного правительства)» [Там же. С. 90].

Сразу после общестуденческой сходки, где присутствовало около 3 тыс. человек, Арнольдову был

дан «мандат» посетить заседание Ученого совета Томского университета, где ему доверено жестко поставить вопрос об отмене минимума. «Я волновался так, как волновался лишь несколько раз в жизни, – вспоминал он. – Проходя по торжественному коридору в те заповедные хоромы, куда мы всего месяц назад не имели права попадать, я еще раз убедился в том, что внешне я “вполне comme il faut”» и решил быть вежливым до предела. Курьер распахивает передо мной дверь, и я среди “ареопага”» [3. С. 90–91]. Свои эмоции в тот момент позднее он сравнивал с чувствами, которые, по всей видимости, испытывали «члены первого рабочего правительства», когда «входили на аудиенцию к английскому королю, целовать его августейшую руку».

Перед его взором предстал огромный, крытый зеленым сукном стол, за которым сидели недавно избранный ректор профессор-ботаник В.В. Сапожников, сменивший в этой должности добровольно ушедшего «по состоянию здоровья» И.Н. Грамматикати, проректор профессор-медик В.Н. Саввин, «далеко слева» он обнаружил Н.Я. Новомбергского. Сам Арнольдов устроился напротив «старого и седого как лунь» профессора Н.А. Александрова, в дочь которого «были тайно влюблены все студенты». Рядом с ним сидел профессор-физиолог А.А. Кулябко, чей «опыт с оживлением сердца создал ему мировую известность». Женат он был, по наблюдениям Арнольдова, «на удивительно молодой женщине, которая всегда долгими и внимательными глазами смотрела при встрече на студентов» [Там же. С. 91]. Добавим, что она приходилась племянницей Д.И. Менделееву.

Заседание Ученого совета поразило молодого студента «своей импозантностью – огромный стол, масса почтенных лиц, торжественная тишина и какая-то истовость обряда заседания». Он отмечал: «Многие профессора тогда еще не могли “переварить”, что представитель “гг. студентов” может быть допущен на заседание их совета. Я мгновенно угадал рост враждебности в атмосфере, почувствовал себя “посторонним телом” и от этого, как от удара хлыста, сам стал “испарять” из себя почтительность и священный трепет, в охвате которых переступил порог этого “святая святых”... Я сознавал себя даже “заложником” неистовавшей в актовом зале массы, которая хотела голого бунта, душою я был на стороне не студентов, а профессоров, которые внутренне приняли меня “в штывки”».

«Что же будет?», – спросил «с нескрываемым ядом» один профессор-медик, имя которого Арнольдов не упоминает, в ответ на требование об отмене экзаменационных минимумов, озвученное от имени студенческой сходки Арнольдовым. Последний на это твердым и громким голосом ответил: «Студенты прекратят занятия». «Ах, вот как? – в большом зале раздался голос одного из явно враждебно настроенных профессоров. – Гг. студенты хотят нас запугать! Нам предъявляют ультиматум!» [Там же. С. 93].

Слово взял профессор Н.Я. Новомбергский, «ладивший и любимый массой», который, ссылаясь на действующее законодательство, заявил, что принятие данной меры невозможно. Таким образом, даже либерально настроенный профессор, в дальнейшем под-

державший требование о представительстве студентов и преподавателей в административных структурах вуза, выступил наперекор воле студенческой массы. «Исход голосования был предreshen» [3. С. 94].

Арнольдов поразился, что, подавая записки для голосования, профессора Н.А. Александров и А.А. Кулябко извинились перед ним за то, что голосуют «ПРОТИВ». «Ко мне через стол, – отмечал Арнольдов, – наклонился профессор Кулябко и конфиденциально и заискивающе тихо сказал, что “хотя он понимает настроения студенчества”, но должен отвергнуть предложение об отмене минимумов» [Там же].

Голосование отклонило требование студентов, после чего Л.В. Арнольдов отправился сообщить об этом другим членам старостата. О реакции последних в своих воспоминаниях он написал, что те «даже обрадовались, что старорежимные “люди в фуляре” не пошли на сговор с ними».

На следующий день студенчеством университета была объявлена забастовка. На дверях главного корпуса был повешен «гордый плакат, воспрещавший идти на лекции, требовавший прекратить запись на экзамены и зачеты, грозивший бойкотом штрейкбрехерам». «На университетском фронте запылала Гражданская война», – вспоминал Арнольдов.

Позже студенты потребовали закрытия университета, развернулась борьба за студенческое представительство в управленческих структурах вуза, началась стремительная политизация университетской жизни. Однако все это было позднее. События эти, к сожалению, не нашли отражения на страницах мемуаров Л.В. Арнольдова, они «пронесли над его пылавшей головой». Дело в том, что спустя некоторое время профессора согласилась пойти на ряд уступок, и он вновь был приглашен на заседания Ученого совета. После очередного из них, «прощаясь глубокой ночью со ставшими уже хорошо знакомыми гг. профессорами», В.Н. Саввин удержал его руку в своей. «Э, батенька, – воскликнул он, – да у вас жар. И сильный жар! Идите домой, утром я зайду!». На долгое время болезнь тифом словно вытеснила из его памяти целый ряд событий, сконцентрировавшись на периоде, последовавшем вслед за Октябрьскими событиями в Петрограде 1917 г. и установлением советской власти в Томске. Напомним, что они вызвали негативную реакцию как среди студентов, так и профессоров Томского университета (см.: [4. 9 дек.; 11. Л. 359]).

Спустя годы в Китае коллега по университету подарил Л.В. Арнольдову номер журнала «Известия советов студенческих старост г. Томска» (редактором первых двух номеров был сам Арнольдов, всего вышло 3 номера) за апрель 1918 г., т.е. уже после установления власти большевиков в городе. «Как явствует из того журнала, – вспоминал он, – свободное и независимое слово еще не было окончательно задумано, и для Томска период террора еще не начался» [3. С. 97]. Однако мягкие репрессии против университетского сообщества все-таки уже имели место.

12 марта (27 февраля) того года Л.В. Арнольдов принимал участие в торжественном заседании студенческого социалистического общества, посвященном годовщине Февральской революции. Оно состоя-

лось в 6-й химической аудитории Томского технологического института. В завершение вечера квартет исполнил революционные гимны «Марсельезу» и «Интернационал», песню «Мы жертвою пали» [5. 1918. 12 марта (27 февр.)]. В том же месяце по ордеру исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов на время были арестованы профессор Н.Я. Новомбергский, студенты П.Л. Розеншток (присутствовал на вышеупомянутом заседании), Э.М. Дебрейра, Н.Ф. Немиро, Шаманский, Блюгерман, Зорин, Рудаков и Белешовитский.

10 апреля в аудиторию, где Новомбергский читал курс административного права, вбежал студент и сообщил, что представители местной красной гвардии с пулеметами окружили главное здание университета, а также новый анатомический корпус. Л.В. Арнольдов вспоминал: «Н.Я. Новомбергский, высокий, бритый и красивый, в традиционном сюртуке, человек, который в условиях парламентского строя сделал бы карьеру народного трибуна, слегка бледнеет. Он знал, что подлежит аресту как один из самых популярных в этот период среди студенчества профессоров». Новомбергский взял слово и заявил о том, что автономия – «самое святое, что у нас имеется». Подчеркнул при этом: «Пусть, если хотят и если посмеют, ворвутся сюда и заставят нас прекратить наши занятия, но сами мы будем продолжать наше дело». «*Noli me tangere* (от лат. “не прикасайся ко мне”, – фраза восходит к евангельскому сюжету. – С.Ф., А.С.)», – заключил он и дочитал лекцию до конца.

После ее окончания в окружении студентов Новомбергский спустился в нижний коридор. Там их ждали студенты, ректор В.В. Сапожников с «выразительным старческим лицом», проректор В.Н. Саввин, который «стоял, как изваяние», у дверей своего кабинета. Из окруженного главного корпуса университета никого не выпускали. Вскоре начался обыск, которым руководили два студента университета: Лыткин и Якимов [12. Л. 352 об.].

Университетское сообщество не желало покоряться воле новой власти, и 4 апреля на сходке студенчества был вынесен ряд резолюций, каждая из которых была опубликована в «Известиях советов студенческих старост г. Томска». В них выражался протест «против совершенного местным совдепом насилия»; в целом их действий в отношении свободы печати, Городской думы, которая была разогнана; ареста студентов вузов. Содержался призыв к населению о сопротивлении большевикам.

В памяти Арнольдова сохранился и образ главы томской красной гвардии, который присутствовал в те дни на сходках студентов. Он описывал его следующим образом: «Это был наш же студент, очень высокий, рослый и, если хотите, даже стильный парень кавказского типа... Он был очень эффектен на сходках, одетый в какую-то фантастическую по украшениям полувоенную гимнастерку, когда он стоял на кафедре, не двигая ни одним мускулом на красивом лице, и когда у него под ногами бушевало море негодующих студенческих голов, которым он смело противопоставлял свою вызывающую фигуру» [3. С. 100–101].

Студенты университета решили устроить «академический суд» над двумя студентами, осуществлявшими ранее обыск, по обвинению в «нарушении “университетской автономии”». Л.В. Арнольдов вновь оказался в центре действия: был избран студенческим судьей и председательствовал на этом процессе. Несмотря на угрозы властей, суд состоялся в 1-й аудитории главного корпуса. Свидетельские показания давали ректор, проректор и деканы Томского университета, а также директор Томского технологического института И.И. Бобарыков. Впрочем, сами обвиняемые отсутствовали. Заочно они были приговорены к исключению из университета.

После окончания процесса Л.В. Арнольдов, опасаясь ареста, поспешно покинул город. Как уже было сказано, впереди у него было участие в Гражданской войне на стороне адмирала А.В. Колчака, а затем – эмиграция.

Разная судьба ждала других персонажей настоящего исследования. Так, профессор В.Н. Саввин в годы Гражданской войны занимал должность товарища министра народного просвещения в правительстве Колчака, а на протяжении 1920-х гг. был ректором Томского университета. После отставки, уже больной, он, видимо изменив отношение к советской действительности, «увлеченный идеей индустриализации», прервал научно-педагогическую деятельность и отправился в Челябинск, где стал организатором строительства большого больничного городка на Челябинское. Там же в 1933 г. прервался его жизненный путь [9. С. 222].

Профессор В.В. Сапожников в 1918 г. заведовал отделом народного образования Западно-Сибирского комиссариата (с 1 июля 1918 г. был управляющим), а в правительстве Колчака до мая 1919 г. был министром народного просвещения, в то же время – директором Института исследования Сибири, деканом физико-математического факультета Томского университета. Он умер в Томске в 1924 г. будучи окруженным почетом и уважением, в том числе и со стороны органов советской власти, и вплоть до последних лет продолжал активно работать и участвовать в научных экспедициях [Там же. С. 232].

Иная судьба ждала Н.Я. Новомбергского, который, как уже упоминалось, до 22 февраля 1919 г. был товарищем министра внутренних дел в правительстве Колчака. Он также участвовал в открытии Омского сельскохозяйственного института (1919), состоял профессором кафедры политической экономии этого института. В 1920 г. был привлечен к суду «над колчаковскими министрами» и приговорен к лишению свободы с применением принудительных работ на время Гражданской войны. На протяжении 1920-х гг. он принимал участие в редакторской, административной, научно-исследовательской деятельности в Новосибирске. С 1929 г. – в Ленинграде, а с 1943 г. занимал должность профессора Архангельского государственного педагогического института. Тогда же ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук без защиты диссертации. Умер в Архангельске в 1949 г. [Там же. С. 182–183].

В заключение отметим, что в очерганиях судеб представителей университетского сообщества Томска революционного периода рельефно воплотилась трагическая судьба России первой четверти XX в. В силу убеждений и уходящей в историю верности традиции автономии университетов многие из них оказались в оппозиции к советской власти, на стороне которой, как видно с высоты истории, было будущее.

Мемуары Л.В. Арнольдова, в силу убеждений оказавшегося по ту сторону истории, бесспорно, имеют высокую ценность с точки зрения реконструкции событий тех лет. Революция 1917 г. стала для него, как и для многих других представителей университетского сообщества, в некотором роде «концом главы», а его книга «Жизнь и революция» – своеобразным реквиемом по альтернативному, несостоявшемуся пути развития России в XX в. В этом смысле по духу она близка «Апокалипсису нашего времени» почитаемого им Розанова.

Л.В. Арнольдов сохранил верность своим убеждениям и, вспоминая годы своего детства и юности в Сибири и затерянные на ее просторах деревни, уже в 1930-х гг. писал: «Там была бедность, злоба, водка. Но и сейчас, конечно, там, в этих сибирских деревнях и дальних селах, в каком-нибудь Богом забытом городке Ишиме все остается по-старому, несмотря на ленинские уголки, колхоз, громкоговоритель и передвижной кинематограф... Пускай меня заподозрят в сознательном преувеличении, но мне все-таки хочется сказать, что, если бы в 1914 году не случилось европейской войны и не было бы в 1917 году нашей Революции, к нашим сегодняшним дням Сибирь была бы оборудована технически лучше многих районов России, а в индустриальном отношении она могла бы успешно соперничать на мировых рынках и с Японией, и с Канадой» [3. С. 18, 24–25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 160–170.
2. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 102. Оп. 4. Д. 55.
3. Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Шанхай: книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1935. 278 с.
4. Сибирская жизнь. Газета политическая, литературная и экономическая. Томск, 1917.
5. Путь народа. Орган Томского губернского комитета Партии социалистов-революционеров (с 3 января 1918 г. – Орган Томского губернского комитета партии социалистов-революционеров и Томского губернского Совета Крестьянских депутатов). Томск.
6. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Биографический словарь. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2000. 359 с.
7. Арнольдов Л.В. Китай как он есть: быт и политика. Русская типография «График», 1933. 370 с.
8. Арнольдов Л.В. Из страны Белого Солнца: этюды о Китае. Шанхай : Книгоиздательство А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. 432 с.
9. Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. I: 1888–1917 / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 288 с.
10. Дневники студента П.А. Леонова. 1917 г. // Музей истории ТГУ.
11. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 731.
12. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 773.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июля 2017 г.

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 AND TOMSK UNIVERSITY IN THE MEMOIRS OF L.V. ARNOLDV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 424, 158–167.

DOI: 10.17223/15617793/424/22

Sergey F. Fominykh, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Aleksey O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Tomsk; university; students; professors; Russian Revolution of 1917; L.V. Arnoldov; memoirs.

The memoirs of the former student of the Faculty of Law of the Tomsk university, publicist and researcher of China L.V. Arnoldov *Zhizn' i revolyutsiya* [Life and Revolution] as a source of the history of the university community during the revolutionary events of 1917 are regarded in the article. The author's life, his childhood and youth spent in various cities of Siberia, studying at the Tomsk university, participation in the Civil War on the side of the White Army, emigration to China and then to Brazil are described. Arnoldov's book of memoirs as a historical source, its genre features are analyzed. It is emphasized that along with the events of the author's life, these memoirs contained valuable reflections of the author about the time, characteristics of people whose views impacted the development of the socio-political thought of that period. Influence of these views on the assessments and descriptions of the period presented in the memoirs are considered. The political views of students and professors of the Tomsk university on the eve and during the February Revolution of 1917 are characterized. The events of February 1917 in Tomsk as well as the reaction to the revolution of students and professors of the Tomsk university through a comparative historical analysis of the memoirs of L.V. Arnoldov and the diaries of a student of the Tomsk Technological Institute P.A. Leonov are studied. The activities of the agencies of student self-government L.V. Arnoldov was a member of, aimed at the participation of students in the organization of the educational process, are considered. The relations between the university community and the Soviet government after the October events in Petrograd are analyzed. The characteristics of the images of professors of the Tomsk university of that period from the text of the memoirs are presented. The everyday life of professors and students of the Tomsk university at the time of the revolution and their further destinies which can be traced through the prism of Russian history of the first half of the 20th century are examined on the basis of archival materials, biographical dictionaries and periodicals. It is concluded that the memoirs of L.V. Arnoldov have a value not only as an instrument of reconstructing the revolutionary events of 1917 in Tomsk and their influence on the everyday life of the university community of the city, but also as an example of the alternative method of development of Russia in the period of modern history.

REFERENCES

1. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2017) The daily life of the university community of Tomsk during the revolutionary events of 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 416. pp. 160–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/416/24
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 55. (In Russian).
3. Arnol'dov, L.V. (1935) *Zhizn' i revolyutsiya* [Life and revolution]. Shanghai: knigoizdatel'stvo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.
4. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
5. *Put' naroda*. Tomsk.
6. Khisamutdinov, A.A. (2000) *Rossiyskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhookeanskom regione i Yuzhnoy Amerike. Biograficheskiy slovar'* [Russian emigration in the Asia-Pacific region and South America. Biographical dictionary]. Vladivostok: FESU.
7. Arnol'dov, L.V. (1933) *Kitay kak on est': byt i politika* [China as it is: life and politics]. Shanghai: Russkaya tipografiya "Grafik".
8. Arnol'dov, L.V. (1934) *Iz strany Belogo Solntsa: etyudy o Kitae* [From the country of the White Sun: sketches about China]. Shanghai: Knigoizdatel'stvo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.
9. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta. Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University. Biographical dictionary]. Vol. I: 1888–1917. Tomsk: Tomsk State University.
10. History Museum of TSU. (1917) *Dnevnik studenta P.A. Leonova* [Diaries of the student P.A. Leonov].
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 731. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 773. (In Russian).

Received: 03 July 2017